

К. Х. Рекош

Москва, МГИМО (У) МИД РОССИИ

УПОРЯДОЧЕННОСТЬ И РАССЕЯННОСТЬ КАК КРИТЕРИИ АНАЛИЗА ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

На материале французского языка континентального права в статье описываются отношения между знанием (правовым) и вербализатором. Правовой дискурс рассматривается с позиции взаимодействия дискурсов и их упорядоченности/ рассеянности. С этой точки зрения интерес представляют влияние специальных знаний на язык и степень его упорядоченности. В качестве исходной дилеммы следует учесть, что функционирование континентального права основано на различении пространств: *état de fait* ‘нерегулируемого пространства реальности’ и *état de droit* ‘регулируемого правового пространства’ и, соответственно, на различении вербализующих их дискурсов. Юристы считают действительность хаотичной и формируют упорядоченные конструкции (источники права), чтобы управлять динамичным хаосом с помощью порядка. Дилеммы статики и динамики находят отражение в языке и требуют определения подхода к изучению правового дискурса.

Чтобы выполнять свои функции, язык должен был становиться линейным [1, с. 132] и соответственно упорядочиваться. Наряду с развитием его онтологических свойств, язык эволюционирует вместе и в зависимости от вербализуемого им знания, что можно изучать отдельно. Материальный механистический взгляд позволяет сначала изучать язык как сформированную данность (о происхождении здесь речь не идет), а затем его изменения с каждым новым *faits linguistiques* (лингвистическими фактами), развитием знания, как будто знание развивается и существует отдельно, язык-вербализатор – отдельно. Рассмотрение знания в диахронии служит этому доказательством: Э. Бенвенист обосновывает, что этимологически слово *ius* не имело значения ‘право’ [2, с. 307]; несмотря на наличие латинских слов *regula* и *norma*, понятия юридической нормы в римском праве не было. То же в отношении латинского слова *fōns* ‘источник’: понятие *источник* было в латинском языке, но законы, конституции и другие акты римских правителей (правовыми) источниками не назывались. Данные примеры показывают, что праву предстоял еще долгий путь, прежде чем оно станет специальным знанием, а вокабулам правоведы рукотворно придадут терминологический смысл источника права (*source de droit*), правовой нормы (*règle de droit*). Латинское слово *fōns* является этимологом *fontaine* ‘родник, ключ’, *fonts baptismaux* ‘купель’, но современное понятие *источник права (source de droit)* восходит к старо-французскому *sordre* (*jaillir, surgir, se diriger en haut, s'élever, soulever*), к латинскому *sūrgĕre* – *surgĕ* и далее к *regĕ*, *regere* (*diriger en droite ligne*) [3, р. 333, 678], что совершенно не объясняет современного юридического значения, и дело здесь не в развитии языка, а в развитии юридической мысли. К сходному выводу приводит смена латинского слова

ius на *droit*, *diritto*, *Recht* ‘право’ в европейских языках. Это можно считать подтверждением отдельного существования разных видов знаний: энциклопедических, юридических, лингвистических. Каждый отдел знания формирует себя, пользуясь данными языка-вербализатора, развивая в языке релевантные черты, заимствуя их из других институтов, создавая новые.

Траектория движения текста. Анализ показывает, что в каждом отделе знаний установлено свое взаимодействие дискурсов от порождения до применения. В праве дискурс проходит путь от зарождения в виде, например, законопроекта до принятия и применения закона (источника права) в суде. Судебный дискурс предназначен *dire le droit* ‘говорить право’, в античности это символизировалось словами *iurisdictio* ‘я говорю право’, *causidicus* ‘адвокат, который излагал дело’, *iudex* ‘судья’ и т.д. Однажды созданный дискурс (источник права) является объектом дальнейших обсуждений. Таким образом, создание источника права идет по жестко определенной траектории. Данная колея сопровождается соответствующими требованиями к французскому языку: *clarté* ‘ясность’, *précision* ‘точность’ и *concision* ‘краткость’, определяемыми легистикой (законодательной техникой).

Обсуждение дискурсов происходит в доктрине, комментариях, в научной литературе, в учебной (упрощенной) литературе, в изложении СМИ, в актах коммуникации обыденной картины мира между неспециалистами, не считая других наук, лингвистики, когнитивистики и т.д. Правовой источник в такой культурной перспективе формулируется, цитируется, толкуется юристами, истолковывается лингвистами, преподается, развивается учеными, пересказывается неспециалистами. Без учета факторов времени, данная перспектива приводит к расширению пространства правового дискурса, к размыванию дискурса источника права (если только он не цитируется), к его искажению, упрощению в некоторых видах дискурса. По-видимому, такое размывание дискурса имеет в виду М. Фуко, говоря о *dispersion* (рассеивании) терминов и дискурса в «Археологии знания» на примере экономического текста [4, с. 78]. В представленной перспективе взаимодействия текстов источник права выступает как первичный упорядоченный текст, а все остальные – вторичные (метатексты) с разной степенью рассеянности, различая научную и обыденную картины мира. В общелитературный язык входят наиболее «рассеянные» фрагменты (правового дискурса) обыденной картины мира.

Рассмотрение данного феномена взаимодействия правовых дискурсов в свете теории интертекстуальности (интратекстуальности) показывает, что эти теории отражают единичные (факультативные) явления в художественной литературе (риторике текста), в то время как в праве взаимодействие текстов является неперенным условием (институционального) функционирования текстов (дискурсов), они предназначены для того, чтобы на них ссылаться, их толковать, применять к конкретным фактам действительности (модальная герменевтика).

Ярким примером взаимодействия текстов, зафиксированных в документе, является Лиссабонский договор. Его известный консолидированный вариант не признается аутентичным. Аутентичная версия Лиссабонского договора отражает все изменения, которые были внесены в учредительный (Римский) договор, начиная с 1957 г.¹ [5]. Хотя название договора отличается от первоначального, дата, проставленная на Лиссабонском договоре, а именно 1957 г., свидетельствует о том, что это не новый договор, а пересмотр Римского, т.е. источник права сам является результатом взаимодействия текстов.

Лиссабонский договор демонстрирует небольшой промежуток времени (50 лет), сходный феномен можно увидеть на большем отрезке времени. Для краткости посмотрим основные положения гражданского права относительно справедливости, которые Цицерон (I в. до н.э.) позаимствовал у стоиков: «Подобает ссылаться на те основы справедливости, какие я установил вначале: во-первых, никому не причинять вреда, во-вторых, служить общей пользе» [6, с. 122], «надо стараться воздавать каждому по его заслугам, это – основа справедливости» [6, с. 129].

Сходные идеи мы находим в Институциях Юстиниана (VI в.) в «Титуле о праве и справедливости»: *Iustitia est constans et perpetua uoluntas ius suum cuique tribuens. 3. Iuris praecepta sunt haec: honeste uiuere, alterum non laedere, suum cuique tribuere* [7, с. 14]. – «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое. Предписания права суть следующие: честно жить, ближнего не оскорблять, воздавать каждому свое» [7, с. 15]. Приведенный текст имеет лапидарную форму. В сносках к этому тексту дается более распространенное объяснение (рассеивание текста) с юридической точки зрения: «Не в смысле нравственном, а юридическом, т.е. согласно с юридическими законами; т.е. не вредить правовой сфере других; т.е. если что-либо, принадлежащее другому, попадет ко мне, то я должен возратить» [7, с. 15]. Идеи «честно жить, ближнего не оскорблять, воздавать каждому свое» заложены в Кодексе Наполеона, например в статье 1382: *Art.1382. Tout fait quelconque de l'homme, qui cause à autrui un dommage, oblige celui par la faute duquel il est arrivé, à le réparer* 'Любое деяние человека, которое причиняет вред другому, принуждает того, по вине которого оно произошло, его исправить' [8, р. 977]. Все юристы признают, что Гражданский кодекс Франции воспринял идеи римского права. Яркой иллюстрацией этого является рецепция римского права, которая способствовала распространению латинского языка в качестве *lingua franca* и этимологических дублетов.

¹ Иллюстративной является, например, Статья 9.

COOPÉRATIONS RENFORCÉES 22) Le titre IV reprend l'intitulé du titre VII, qui devient « DISPOSITIONS SUR LES COOPÉRATIONS RENFORCÉES », et les articles 27 A à 27 E, les articles 40 à 40 B et les articles 43 à 45 sont remplacés par l'article 10 suivant, lequel remplace aussi les articles 11 et 11 A du traité instituant la Communauté européenne. Ces mêmes articles sont également remplacés par les articles 280 A à 280 I du traité sur le fonctionnement de l'Union européenne, comme indiqué ci-après à l'article 2, point 278), du présent traité [5].

Упорядоченность языка как онтологической сущности описана его грамматикой и другими лингвистическими науками, но мы говорим об упорядоченности специального языка, у которого, кроме его онтологических характеристик, есть дополнительные характеристики, созданные благодаря вербализации правового знания. Где искать эти характеристики? Лингвисты их ищут в терминологии. Однако терминологическая семантика – это лишь часть вопроса. На наш взгляд, искать надо в методологическом ядре права. Французские юристы в методологии права во главу угла ставят юридическую технику, которая состоит из 3 частей: терминологии, средств правового регулирования и рассуждения, где термины составляют лишь 1/3, и главным оказывается юридическое рассуждение, именно оно определяет особенность приведения в действие средств правового регулирования. Например, значения слова *actions* ‘действия, акции, мероприятия, иски’ с юридической точки зрения не могут быть признаны синонимичными (лингвистически вопрос открыт).

Рассеянность проявляется в детерминологизации – замене закрепленного термина его синонимом или добавлением к нему иных смыслов; упрощениях во вторичных дискурсах: вместо официального названия *la Cour de justice de l'Union européenne* ‘Суд Европейского союза’ используется вокабула *la Cour*, вместо официального названия *Le Traité établissant une Constitution pour l'Europe (TECE)* ‘Договор, устанавливающий Конституцию для Европы’ употребляется *la Constitution* ‘Конституция’. В тексте, далеко отстоящем от источника права, используются любые риторические средства естественного языка. Например, J.-L. Saugon так характеризует непринятие Конституционного договора: *un rejet de la Constitution, une plaie béante, la réforme institutionnelle, déchaînement d'égoïsmes nationaux, un rejet sans appel, les tenants du « non » de gauche, le rejet n'a pas causé un « choc salutaire », impasse, le double non franco-irlandais, la défunte Constitution* ‘отклонение Конституции, разгул национального эгоизма, безоговорочное отклонение, левые апологеты нет, отклонение «спасительного шока» не принесло, тупик, двойное франко-ирландское нет, почившая Конституция’, он использует метафоры, эмоционально окрашенные выражения [9, p. 8–10].

Таким образом, следует отличать упорядоченный знанием дискурс, создающий научную картину мира, от рассеянного дискурса, высшей ступенью которого является естественный язык, представляющий собой конгломерат фрагментов дискурсов (*éléments décantés*) из всех сфер знания.

На обобщенном абстрактном уровне с обсуждаемой темой перекликается дилемма порядок/хаос, онтологически заложенная в праве, которое является упорядоченной (рациональной) конструкцией, призванной регулировать непредсказуемость и хаос действительности, устанавливать равновесие между системой норм и соответствующими отношениями. Так как право находится в постоянном нелинейном движении (*phénomène en continu*

mouvement complexe et non-linéaire) [10], возникает еще одна дилемма: статика дискурса закона в применении к динамике действительности. S. Diebolt ищет теории, которые можно применить в этой ситуации: теорию турбулентности, биологическую теорию саморегуляции или самоорганизации. Здесь возникает парадокс: закон как правовая норма по отношению к движущейся действительности символизирует статику, в то время как язык с его способностью к рассеянности, трансферам и полисемии демонстрирует динамику. Динамику правового дискурса отражает выражение М. Фуко *formation discursive* ‘дискурсивное формирование’.

Взаимодействия в языке не позволяют признать правовой дискурс полностью материальной сущностью, в которой элементы действуют в соответствии с первоначальным предназначением. Другими словами, суть языка – в его метаморфозах. Единицы языка ведут себя подобно интерфейсам, единицам информации, которые могут одновременно находиться, трансформироваться и фиксироваться в разных местах.

Упорядоченность и рассеянность лежат в основе подходов к исследованию правового дискурса в качестве критериев анализа, дают возможность увидеть проявляющуюся во взаимодействии динамичность языка и объяснить некоторые (недоступные для тимиологии) явления, процессы терминологизации и детерминологизации, а также показать различия языка и права как общественных установлений.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Выполняя регулирующие функции с помощью правового дискурса, право обладает иллюстративностью для его сравнения с языком.

Дополнительным аргументом в пользу различения упорядоченности и рассеянности является парадигма континентального права, воплощением которого является французский язык (язык Гражданского кодекса).

Парадигма континентального права основана на противопоставлении *état de faits/état de droit* ‘реальность/правовое пространство’, имеющем институциональный характер, что усиливает обоснованность анализа.

Изучаемые критерии анализа позволяют различать не только их крайние точки, но и промежуточные моменты для определения лингвистического статуса используемых элементов.

Основанный на контрасте упорядоченности и рассеянности анализ языка является весьма плодотворным не только для проведения классификаций, но и для преподавания юридического французского языка как иностранного в связи с установлением ассоциативных связей между дискурсами и терминами и возможностью их объяснить. И хотя мы изучали вопросы в рамках одной культуры и по отношению к одному языку, все они представляют интерес для контрастивной лингвистики в рамках изучения отношений между вербализатором и знанием, а также взаимодействия дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Серебренников, Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебреннико; отв. ред. В. М. Солнцев. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 248 с.
2. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов : I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия / Э. Бенвенист; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова; пер. с фр. Н. Н. Казанского [и др.]. – М. : Прогресс, Универс, 1995. – 453с.
3. *Dauzat, A.* Dictionnaire étymologique de la langue française / A. Dauzat. – Paris. 1938. – 823 p.
4. *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. Бр. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
5. *Le traité de Lisbonne.* TUE [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.assembleenationale.fr/13/projets/PL%20690%20Trait%20C3%A9.pdf>. – Date of access : 17.05.2017.
6. *Цицерон, М. Т.* Об обязанностях / М. Т. Цицерон; пер. с лат. В. Горенштейна. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 300 с.
7. *Институции Юстиниана* / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 1998. – 400 с. – (Сер. «Памятники римского права»).
8. *Le Code civil.* – DALLOZ, 1992–1993. – 1809 p.
9. *Sauron, J.-L.* Lire et comprendre le Traité de Lisbonne / J.-L. Sauron. – 2008. – 137 p.
10. *Diebolt, S.* L'apport de la théorie de l'Ordre et du Chaos au paradigme de la complexité juridique / S. Diebolt [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.reds.msh-paris.fr/communication/textes/cplx03.htm>. – Date of access : 17.05.2017.

The article describes the relationship between knowledge (legal) and verbalization on the material of the French language as a representator of civil law. The evolution of language (with its ontological properties) together with and depending on verbalized knowledge makes it possible to apply the criterion of orderliness and concentration.

Е. А. Романовская, А. А. Ходоренко
Минск, МГЛУ

ИДИОСТИЛЬ В ЖАНРЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКЦИИ

Главной особенностью, механизмом, который определяет целенаправленность научно-учебных лекций, являются взаимодействие лектора и аудитории. В целях решения задач академической коммуникации и для осуществления успешного речевого воздействия лекторы достигают высокого уровня индивидуализации своей речи, что делает проявление идиостиля одной из основных особенностей организации академической лекции.